

И. А. Бунинъ. Лица. Изданіе «Петрополисъ», Брюссель.

Это случай рѣдчайшій, если не безпримѣрный. Кажется, всякій писатель съ годами достигаетъ отпущеннаго ему природой предѣла: дальше подниматься нельзя, возможно только болѣе или менѣе медленное пониженіе. Бунинъ — едва ли не единственное исключеніе: онъ пишетъ все лучше и лучше. На мой взглядъ, самыя прекрасныя изъ произведеній, написанныхъ имъ въ Россіи, во многомъ уступають созданному имъ за рубежомъ, — наглядное опроверженіе правила (въ общемъ, быть можетъ, и близкаго къ истинѣ), будто «писатель не можетъ творить за предѣлами родины», будто онъ «какъ Антей, теряетъ силу, отрываясь отъ матери-земли» и т. д. Но и за границей Бунинъ написалъ уже немало книгъ. Изъ нихъ «Жизнь Арсеньева» еще лучше «Митиной Любви», а «Лица» еще совершеннѣе, чѣмъ предшествующій, первый томъ «Жизни Арсеньева».

Къ чему можетъ сводиться рецензія о книгѣ, почти каждая страница которой есть недостижимый образецъ изобразительной силы? Бунинъ называли «писателемъ для писателей». Вѣрно то, что нѣкоторыя его особенности по настоящему могутъ оцѣнить лишь писатели. Это однако не помѣшало собранію его сочиненій въ приложеніи къ «Нивѣ» разойтись въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Въ сущности задача рецензіи о «Ликѣ» должна была бы сводиться къ выбору цитатъ, — а цитаты можно было бы брать почти наудачу, съ любой страницы. Я такъ и поступаю, съ искреннимъ сожалѣніемъ, что гдѣ-то надо цитату начать, гдѣ-то кончить, тогда какъ слѣдовало бы привести и предшествующее, и слѣдующее. Вотъ нѣсколько строкъ изъ описанія провинціальной редакціи: «Потомъ приходилъ коротконогий старичекъ въ изумленныхъ очкахъ, иностраннѣйшій обозрѣватель; въ прихожей онъ снималъ казакинчикъ на заячьемъ мѣху и финскую шапку съ наушниками, послѣ чего, въ своихъ сапожкахъ, шароварчикахъ и фланелевой блузѣ, подпоясанной ремешкомъ, оказывался такимъ маленькимъ и шуплымъ, точно ему было десять лѣтъ; густые сѣро-сѣдые волосы его торчали очень грозно, высоко и въ разныя стороны, дѣлали его похожимъ на дикообраза: грозны были и его блестящіе очки; онъ приходилъ всегда съ двумя коробками въ рукахъ, коробкой гильзъ и коробкой табаку, и за работой все время набивалъ папиросы: привычно глядя въ столичную газету, накладывалъ, наминалъ въ машинку, въ ея мѣдную створчатую трубочку, свѣтлаго, волокнистаго табаку, разстѣянно нашаривалъ гильзу, ручку машинки выкалъ себѣ въ грудь, въ мягкую блузу, а трубочку — въ папиросную дудку гильзы и ловко стрѣлялъ на столъ. Потомъ заходили метранпажъ, корректоръ. Метранпажъ входилъ спокойно, независимо; онъ былъ удивителенъ по своей вѣжливости, молчаливости и непроницаемости; былъ необыкновенно худъ и сухъ, поцыгански черенъ волосомъ, лицомъ оливково-зеленъ, съ черными усиками и трюбовыми тепельными губами, одѣтъ всегда съ крайней аккуратностью и чистоплотностью: черныя брючки, синяя блуза, большой

крахмальный воротникъ, лежащий поверхъ ея ворота, — все блистало чистотой, новизной; я иногда разговаривалъ съ нимъ въ типографіи: тогда онъ нарушалъ свою молчаливость, ровно и пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими темными глазами и говорилъ, какъ заведенный, не повышая голоса и всегда одно и то же: о несправедливости, царящей въ мірѣ, — всюду, вездѣ, во всемъ». Вотъ зимняя поѣздка Арсеньева, — «коренникъ точно на одномъ мѣстѣ трясеть дугой», и «неподвижно бѣлѣетъ низкая, мутная съ морозу луна, широко и мистически-печально охваченная радужно-туманнымъ кольцомъ». Вотъ церковный сторожъ: «онъ еле таскаетъ разбитыя ноги, въ одномъ мѣстѣ поправляя наклонившуюся и слишкомъ жарко тающую свѣчу, въ другомъ дуетъ на догорающую, распространяя запахъ гари и воска, потомъ тиская ее въ старческомъ кулачкѣ въ одинъ вострой комокъ съ прочими огарками, — и видно, какъ глубоко надоѣло ему все это наше непонятное земное существованіе и всѣ таинства его»... Вотъ маленькая сценка въ парикмахерской: «Парикмахеръ зашилъ душитымъ пульверизаторомъ, легонько похлопалъ по мокрымъ щекамъ нетопыря салфеткой. — Пожалуйте-съ, — сказалъ онъ четко, раскидывая базахонъ. И нетопырь всталъ и оказался довольно страшень: черепъ угастый, большой, лицо худое и широкое, красно-сафьянное, глаза послѣ бритья младенчески блестящи, дыра рта черна, а самъ низокъ, плечистъ, туловище короткое, паучиной, ноги тонки и по-татарски, по-наѣзднически кривы. Сунувъ парикмахеру на-чай, онъ надѣлъ отличное черное пальто и котелокъ, закурилъ сигару и вышелъ. Парикмахеръ обратился ко мнѣ: — Знаете, кто это? Первѣйшій богачъ, купецъ Ермаковъ. Знаете, сколько онъ всегда даетъ на-чай? Вотъ-съ. Онъ раскрылъ ладонь и, весело смѣясь, показалъ: — Ровно двѣ копѣйки!»

Лучше писать просто невозможно. Я сказалъ бы, что изъ совокупности этихъ шедевровъ изобразительнаго искусства создается удивительная картина Россіи того времени. Но знаю, что этой цѣли авторъ себѣ не ставилъ. Бунинъ разсказалъ «исторію одной любви», — какъ разсказалъ! Съ какой свѣжестью чувства, съ какой нѣжностью, съ какой поэзіей! Очень много писателей въ мірѣ всячески стараются лишить поэтическаго обаянія то, что, казалось бы, исполонъ нѣжковъ для такого обаянія предназначалось. Бунинъ творить поэзію изъ всего, о чемъ бы онъ ни писалъ.

Эта книга показываетъ, что для большого художника нѣтъ использованныхъ темъ: есть вѣчныя темы. Существуют ли тутъ общія правила? Намъ извѣстны превосходныя созданія искусства, написанныя на темы новыя. «Актуальныя». Въ русской литературѣ «Воскресеніе» «актуально», какъ и многое другое у Толстого, какъ очень многое у Достоевскаго, у Чехова, какъ почти все галливое у Тургенева. Въ «Лики» актуальнаго нѣтъ ничего. Бунинъ пишетъ не о новомъ, не о старомъ, а о вѣчномъ. Можно было бы сказать, что самой жизнью автора дана такъ называемая «нить» фабулы (охъ, ужъ эта нить, даже если она и не «красная!»). Нѣкоторыя мысли «Лики» (хо-

ти бы мысли о театрѣ и артистахъ на стр. 46-8) Арсеньевъ не могъ бы высказать, если-бы не сидѣлъ въ немъ будущій Бунинъ, — да и при этой оговоркѣ онъ у столь молодого человѣка удивительны. Однако отождествлять автора съ Арсеньевымъ не приходится. Фабула просто Буину не нужна, — ему одному изъ очень немногихъ въ современной литературѣ.

По своему, очень по своему, и заключаетъ авторъ книгу, хотъ кончается она цитатой. Есть въ ней и вопросъ, и утверженіе (непріятны книжныя слова, — что-жъ дѣлать?). Но вся эта чудесная книга по существу дѣлаетъ еще болѣе горькимъ и скорбнымъ тотъ вѣчный вопросъ, который остается и за «утверженіемъ».

М. Алдановъ.

М. А. Алдановъ. Начало конца. Изд. «Русскія Записки». 1939 г.

Передъ нами только первая часть новаго романа Алданова. Полностью его замыселъ раскроется только, когда онъ будетъ законченъ. Мы ограничимся поэтому пока лишь только нѣсколькими бѣлыми замѣчаніями о немъ. Алдановъ давно уже отъ исторіи перешелъ къ современности, къ недавнему прошлому. О немъ, о предвоенныхъ годахъ, о самой войнѣ писали многіе беллетристы (хотя бы Мартенъ дю Гаръ, или Жюль Ромэнъ). Но никто еще не писалъ въ художественномъ произведеніи о вчерашнемъ, почти о сегодняшнемъ, а иногда, кажется, даже о завтрашнемъ днѣ. Рѣшиться на это было большой смѣлостью. Автора подстерегали упреки въ погонѣ за новизной, въ газетной злободневности. Здѣсь былъ несомнѣнный рискъ, на который Алдановъ пошелъ, и его ждала удача.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не рискованно вывести въ романѣ советскаго полпреда и его окруженіе, командарма изъ военныхъ стараго режима, члена коммунистическаго Интернационала? Изобразить пріемъ советскаго посольства въ одномъ изъ королевскихъ дворцовъ, объѣдъ, даваемый полпредомъ знатнымъ иностранцамъ въ парижскомъ ресторанѣ, первыя впечатлѣнія молоденькой советской секретарши въ Парижѣ, ужинъ командарма въ кафѣ Куполь? Алданова прежде всего спасло то, что онъ подошелъ ко всему этому какъ строгій художникъ, ни въ чемъ не измѣнившій своей «художнической совѣсти», оставшіяся вѣрнымъ самому себѣ. То, что это такъ, — ясно каждому читателю и, можетъ быть, особенно ясно потому, что всюду и въ романахъ историческихъ, и въ романахъ о современности и въ этомъ романѣ его манера письма, его методы и пріемы, по существу, хотя и утончаясь отъ книги къ книгѣ, остались все тѣ же. Критика уже отмѣчала, что къ современности Алдановъ подошелъ отчасти какъ историческій романистъ. Мало того, связанные единствомъ личности ихъ автора его герои имѣютъ порой нѣчто схожее между собой, извѣстный *air de famille*. Вислиценусъ немного похожъ на Робеспьера, Кангаровъ на Кременецкаго, Тамаринъ на Яшен-